
ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья первая)

Н.Н. Вересов*

Университет Монаш, Австралия,
nveresov@hotmail.com

Неклассическая культурно-историческая теория Выготского рассматривается как методологическая альтернатива традиционным методам исследования сознания. Методологический вывод Вундта о том, что низшие и высшие функции — это явления различные по своей природе и поэтому методы исследования первых не годятся для исследования вторых, остался не услышанным. Методологическая альтернатива в подходе к исследованию сознания, предложенная Выготским, состояла в том, что явления сознания (субъективного мира человека) можно изучать объективно, если рассматривать психические функции не как уже сложившиеся явления, но исследовать их в процессе возникновения и развития. Генетическая методология, т. е. методология, построенная на принципе развития, выступала как содержательное основание, на котором и была создана культурно-историческая теория. Поэтому экспериментально-генетический метод исследования высших психических функций, наряду с теорией, как системой понятий и принципов, есть органическая часть культурно-исторической исследовательской методологии.

Ключевые слова: сознание, высшие психические функции (ВПФ), методология, культурно-историческая теория, экспериментально-генетический метод.

1. Психология сознания и исследовательский метод: методология и недо-методология

1.1. Психология сознания в начале XXI века: 100 years gone astray?

Размышляя о том, как назвать эту часть статьи, я не случайно остановил свой выбор на том, чтобы перефразировать название одной из недавно вышедших книг [14]. Но почему не шестьдесят лет, а все сто? Не является ли это утверждение неоправданным преувеличением? Что ж, попытаюсь объяснить, что я имею в виду под этим самым «gone astray».

Я уверен, что специалисты в области философии и психологии сознания обратили внимание, как изменилась за последние пару лет дискуссия на сайте Д. Чалмерса¹. У сторонников идеи, что сознание есть продукт деятельности мозга, даже при всех оговорках, коими они с изрядной долей изящества драпируют эту позицию, уже не осталось ни серьезных аргументов, ни внятных экспериментальных гипотез, способных хоть как-то помочь обнаружить «нейронные коды» сознания в пределах черепной коробки. Сознание у человека есть², но в мозге человека его нет. Неутешительный вывод. Но вполне ожидаемый и даже предсказанный... еще пятьдесят лет назад. Да-

Для цитаты:

Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья первая) // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 4. С. 121–130.

* *Вересов Николай Николаевич*, Ph.D., ассоциированный профессор кафедры раннего детства факультета образования, Университет Монаш, Австралия. *nveresov@hotmail.com*

¹ Материалы этой дискуссии всем известны, но на всякий случай (и следуя дани академической традиции) даю ссылку: URL: <http://consc.net/online/1.1>

² Проблема состоит еще и в том, что сознание есть не у всех людей. Так же как честь, совесть, стыд, порядочность и прочие ныне модные феномены.

вайте вспомним, что говорил по этому поводу в уже далеком 1964 году Е. Генис: «Мы должны быть готовы к тому, что более тонкие свойства ума (mind), такие как творческие способности и вдохновение, в конечном счете окажутся принципиально непостижимыми. Я, в отличие от некоторых моих коллег, далеко не уверен в том, что мышление можно свести к потоку электронов» [15, с. 250]. Многие ли тогда прислушались к этому мудрому предостережению? А ведь вопрос был поставлен предельно жестко, так сказать, на грани выживания: ИЛИ истоки сознания рано или поздно будут обнаружены в мозге, ИЛИ придется признать, что оно принципиально непостижимо. И вот в самом начале XXI века выяснилось, что пророчество сбылось. И пусть читателя не смущает, что Генис говорит не о сознании, а о «тонких свойствах ума», «творческих способностях», «вдохновении». В английском оригинале используется не термин *intelligence* (интеллект), а *mind* (сознание)³. И потом, если, как оказалось, мышление нельзя свести к потоку электронов, то что же тогда говорить о сознании (а также и о совести и чести, которые к сознанию имеют самое прямое отношение)?

Так психология сознания сегодня пришла к тому, с чего сама же начала движение в познании тайны своего предмета... т. е. к Вильгельму Вундту. Ведь именно Вильгельм Вундт сформулировал идею о том, что экспериментальному методу доступны лишь первичные, относительно элементарные психические факты (ощущения, представления, время реакции, простейшие ассоциации и т.д.), но не ВПФ, для изучения которых он предлагал использовать другой метод — анализ «продуктов человеческого духа», к коим отнес язык, мифы, обычаи и традиции, социальные устои, правовые законы, нормы морали и т.д. Этот подход, выраженный в фундаментальном труде «Психология народов», по сути, противопоставлял изучение ВПФ индивидуальной экспериментальной психологии. Таким образом, Вундт, в рамках обосновываемой им новой психологии, фактически разделил эту науку на две ветви — экспериментальную и социальную. Эти ветви отличались друг от друга по своим методологическим основаниям и, следовательно, по содержанию и по методам (экспериментальная психология была ориентирована на естествознание, тогда как социальная психология — на «науки о духе»). Это разделение, с одной стороны, позволило ввести ВПФ в систему психологических понятий и выделить их как предмет психологического анализа. С другой стороны, оно заложило предпосылки для раскола психологии и в результате привело ее в состояние открытого кризиса, разразившегося в начале второго десятилетия XX в., в котором она благополучно пребывает и поныне.

Широковещательные обещания, что с помощью современной аппаратуры вот-вот наконец-то удастся обнаружить, каким образом «мозг человека создает его внутренний мир», которые щедро раздавали представители «neuroscience» пятьдесят лет назад, ни к чему не привели. Результаты экспериментальных исследований, напротив, привели к прямо противоположному результату: «Мозг человека, несомненно, участвует в работе сознания. Однако он не «производит» сознание в том смысле, как это считалось ранее. Понять происхождение человеческого сознания невозможно на основании изучения пусть даже самых тонких процессов, происходящих в мозге» [10, с. 3]. Вот и остается лишь согласиться с Вундтом в том, что ВПФ исследовать экспериментальными методами невозможно.

И что же теперь делать? Как экспериментально исследовать сознание? Можно, конечно, делать вид, что ничего не происходит. Можно делать вид, что еще немного, еще чуть-чуть и загадка «мозг и сознание» будет разгадана и будут, наконец-то найдены структуры мозга, порождающие сознание. Но делать это становится все труднее и труднее без риска оказаться на исторической и хронологической периферии научного сообщества.

Человеческое сознание, подобно герою известного фильма, как бы говорит «Нет у вас методов на Костю Сапрыкина». Можно, конечно, согласиться, что методов нет, а можно и подложить чужой кошелек в правый карман незадачливого героя (и лучше всего сделать это незаметно и заранее по примеру Глеба Жеглова) и таким образом, методы эти найти. Но, похоже, что у тех, кто заявлял, что сознание порождается мозгом, уже нет никаких других методов. «Вор должен сидеть в тюрьме, и неважно как я его туда посажу!» — такой подход не оправдан не то что по отношению к сознанию, но даже по отношению к жуликам. Как быть, если сознание никак не хочет «сидеть» в мозге? Не хочет, да и не может; оно туда не просто не помещается и никакие фокусы и ухищрения не помогут его в мозг посадить. [11]. Стало быть, нужно искать иные пути. А для того, чтобы определить область поиска этих иных путей, нужно признать ставший почти уже для всех очевидным факт: сознания в мозге нет, но у человека сознание есть⁴. Во всяком случае, ничего не мешает принять это утверждение в качестве некоторой отправной точки в размышлениях на тему о природе, происхождении и развитии человеческого сознания. Из этого, между прочим, следует одно важное уточнение: пусть сознание невозможно исследовать экспериментальными методами, но главная проблема состоит не в этом, а в том, что именно мы имеем в виду, когда говорим об экспериментальных методах.

³ Кстати, о терминах. Напомню, что в американской (и отчасти, британской) традиции под термином *consciousness* понимается вся система психологических когнитивных процессов и функций (от ощущения и восприятия до абстрактного мышления, т. е. психика), поэтому переводить его как «сознание» не совсем корректно. Термин «mind» в этом смысле более адекватен. Хотя, в последние годы, *mind* и *consciousness* все чаще и чаще используются как синонимы. Впрочем, это отдельная тема.

⁴ Уточню: наличие функционирующего мозга не является гарантией того, что у его обладателя есть сознание. Из утверждения «если нет мозга, то нет и сознания» вовсе не следует «раз есть мозг, то есть и сознание».

Попробуем переформулировать — если сознание (которое, несомненно, существует и, следовательно, откуда-то берется, возникает, т. е. имеет свое происхождение, свою «родословную») невозможно исследовать известными в психологии экспериментальными методами, то это может означать следующее. Либо его вообще нельзя никак экспериментально исследовать без впадения в беспросветный и безнадежный редукционизм (сведение сознания к работе мозга), либо... его можно исследовать каким-то, пока еще не известным в психологии экспериментальным методом. Но существует ли такой метод? И если существует, то почему он неизвестен в психологии сознания? Об этом — моя статья.

1.2. Метод начинается с методологии

В зарубежной, прежде всего, в англо-американской, психологии под методологией понимается совокупность конкретных методов и средств, которые используются для решения того или иного типа исследовательских задач. Это — то же самое, что в отечественной традиции называется «методами психологического исследования». Поэтому, когда наши зарубежные коллеги рассуждают о *research methodology*, то и здесь слово «методология» используется в этом же смысле. В более широком смысле (а это уже традиция классической немецкой философии), методология — это общий подход к пониманию природы изучаемого явления, на основе которого выстраивается система конкретных методов, соответствующих предмету исследования. А поскольку В. Вундт принадлежал именно к этой традиции, то представляется, что не лишено смысла обратиться к вопросу о том, как соотносятся между собой методология (в широком смысле) и методология (в узком смысле). На каком основании Вундт пришел к выводу (а это, несомненно, вывод методологический), что невозможно исследовать ВПФ экспериментальными методами, вполне приемлемыми для исследования «элементарных», натуральных процессов и функций? Может быть, причина была в том, что в то время экспериментальное оборудование было настолько примитивным, что и исследовать с его помощью можно было лишь только элементарные процессы и психические функции? Отнюдь. Проблема состояла в том, что оказалось, что ВПФ не являются результатом развития, усложнения и дифференциации низших психических функций. Иными словами, первоначальная идея о том, что элементарные функции есть «кирпичики» из которых состоят функции высшие, оказалась неверной. Таким образом, разделение психических функций на два типа для Вундта было не просто констатацией некоего очевидного эмпирического факта, а важным методологическим шагом. А вывод о том, что ВПФ невозможно исследовать методами экспериментальной психологии (т. е. методами, применяющимися для исследования процессов натуральных) был лишь следствием, вы-

текающим из этой общеметодологической позиции. Собственно говоря, вместе с этим выводом родилась современная методология в психологии. Все, что было до этого, было недо-методологией. Так что, действительно, метод начинается с методологии.

Но вот что интересно — современная психология развития находится с методологической точки зрения... в до-вундтовском состоянии. Если отвлечься от деталей и обратиться к сути, то обнаруживается, что абсолютное большинство современных психологических исследований исходят из двух фундаментальных постулатов: 1) ВПФ развиваются на основе низших психических функций и 2) развитие ВПФ в онтогенезе есть результат взаимодействия двух групп факторов — социальных и биологических. А это, в свою очередь, сформировало у нескольких поколений психологов две основные исследовательские позиции, которые определили пути развития психологии в прошлом столетии.

Первая позиция состоит в том, что ВПФ не только можно, но и нужно исследовать экспериментальными методами, предназначенными для исследования элементарных функций. Однако, поскольку высшие функции — это усложнившиеся в онтогенезе элементарные функции, то и исследовать их нужно усложненными методами. Иначе говоря, если мозг порождает сознание, то нужно прежде всего исследовать, как мозг порождает ощущения, образы восприятия, т. е. элементарные функции, и после этого появится возможность понять, каким образом в мозге возникают сложные образы и высшие функции (например, произвольная память, логическое мышление и т.д.). Основная проблема состоит лишь в том, что для такого исследования необходимы очень сложные экспериментальные установки, способные улавливать изменения в мозге, связанные с этими высшими функциями.

Вторая исследовательская позиция состоит в том, что для ответа на вопрос необходимо сконцентрировать усилия на изучении роли социальных и биологических факторов. Между прочим, вся история психологии развития в XX в. может быть представлена как история борьбы между социогенетическими и биогенетическими концепциями, в зависимости от того, какие группы факторов признавались в этих концепциях ведущими.

Методологический вывод Вундта о том, что низшие функции и высшие функции — это явления различные по своей природе и поэтому методы исследования, годящиеся для изучения первых, не годятся для исследования вторых, остался не услышанным. Напротив, биогенетические и социогенетические концепции разрабатывали конкретные исследовательские методы и экспериментальные программы, основанные именно на этой методологии. И опять мы видим ситуацию, когда метод начинается с методологии.

Однако, как мы уже говорили, в начале нынешнего века вновь встал вопрос о применимости методов экспериментальной психологии, изначально пред-

назначенных для изучения процессов ощущения и восприятия (т. е., в терминологии Вундта, элементарных функций) для исследования ВПФ и сложных когнитивных процессов. И если, несмотря на все усилия, имеющиеся к сегодняшнему дню, результаты не выглядят впечатляющими (а если говорить откровенно, то выглядят они просто удручающими), то это означает, что на первый план опять выходит методология. Повторю, ситуация такова, что, на первый взгляд, есть только два выхода из этого методологического тупика — либо 1) согласиться с Вундтом и открыто признать, что ВПФ исследовать имеющимися экспериментальными методами невозможно, либо 2) продолжать делать вид, что ничего страшного не происходит и продолжать искать истоки человеческого сознания в мозге, в генах и т.д.

Однако, поскольку продолжать делать вид, что ничего не происходит уже невозможно, не вступая при этом в противоречие с накопившимися данными, то этот выход из методологического тупика становится очевидно бесперспективным. Бесперспективным хотя бы потому, что уж невозможно игнорировать огромное число исследований, безусловно доказавших, что развитый мозг (и способность его к развитию!) сам (и онтогенетически и филогенетически) является продуктом, результатом исторического развития человека, а не наоборот [12; 13]. К этому можно добавить лишь то, что когда говорят о кризисе в психологии, который не удается преодолеть уже в течение столетия, то редко кто обращает внимание на то, что кризис этот — методологический, в немецком смысле этого термина, разумеется. А это означает, что попытки разрешить кризис путем придумывания все более изощренных и все более сложных методов экспериментального исследования мозга (в англо-американском смысле этого термина) ничего не меняют по существу дела. Сознания в мозге нет, Костя Сапрыкин упорно отказывается сидеть в тюрьме, и у представителей neuroscience действительно нет законных методов на Костю Сапрыкина.

Есть одна старая шутка: «Существуют два состояния отсутствия денег: 1) денег нет и 2) денег нет вообще». В применении к теме этой статьи, можно сказать, что современная психология сознания находится в первом состоянии — «экспериментальных методов исследования сознания нет». Но это не означает, что экспериментальных методов исследования сознания нет вообще. Для того чтобы вырваться из вундтовского замкнутого круга, для того, чтобы найти выход, нужно проделать одну простую процедуру — нужно просто вспомнить, что метод начинается с методологии. А это значит, что пока проблема не решена на методологическом уровне, никакие уловки и ухищрения не помогут и «денег все равно не будет». А для того, чтобы решить проблему на методологическом уровне следует прежде всего признать, что эта проблема есть проблема методологическая, а

не техническая, порождаемая отсутствием сложного экспериментального оборудования, способного эту проблему решить. То есть, нужно для начала осознать эту проблему как методологическую — не в англо-американском, а в немецком смысле этого термина. И только после этого можно попробовать, попытаться сформулировать новую методологию подхода к проблеме, такую методологию, которая стала бы реальной альтернативой методологии Вундта, внутри (а главным образом, до) которой современная психология благополучно пребывает и поныне. Повторю еще раз, что можно, конечно, ничего этого не делать и продолжать уповать на какой-нибудь новый сверхсупермощный томограф и прочую, как выразился один известный булгаковский персонаж, «аппаратуру». Но, как я уже сказал, «если денег нет, то их нет». Во всяком случае, я не вижу никаких препятствий для того, чтобы не рассматривать эту проблему именно как методологическую. В конце концов, почему бы и нет?

Конечно, задача методологического осмысления ситуации и создания новой методологии и новых фундаментальных принципов не относится к разряду простых и легких. Но есть кое-что, что реально может помочь. Помочь увидеть, что никакого методологического тупика нет. В истории российской (и мировой) психологии есть один ученый, который, собственно говоря, эту трудную методологическую работу выполнил. Он не только осмыслил проблему метода в психологии на методологическом уровне, но и предложил новый взгляд, который был реальной методологической альтернативой Вундту. Имя этого ученого — Лев Семенович Выготский. Его знаменитая ныне и признанная во всем мире культурно-историческая теория происхождения и развития ВПФ стала результатом этой новой методологии. Неслучайно подход Выготского к проблеме сознания называют «неклассической психологией»⁵.

Новый взгляд на сознание и на возможность его экспериментального исследования, представленный в культурно-исторической теории, имел одно важнейшее следствие — в рамках этого подхода был разработан новый метод исследования, который ныне известен под названием «экспериментально-генетического метода». Поэтому понять, в чем состоит суть этого метода, можно только разобравшись в том, что собой представляет методологическая альтернатива, предложенная Выготским.

1.3. Vygotsky versus Wundt: две методологии

Если говорить кратко, то суть методологической альтернативы в самом подходе к исследованию сознания, предложенной Выготским, состояла в том, что явления сознания (субъективного мира человека) можно изучать объективно, если рассматривать пси-

⁵ Замечу вскользь, ни одна из многочисленных теорий и теориек, возникших после Выготского не удостоилась чести называться «неклассической», хотя многие из них таковыми себя самозвано объявляли.

хические функции не как уже сложившиеся явления, но исследовать их в процессе возникновения и развития. Таким образом, сам процесс развития ВПФ становится краеугольным камнем в методологии психологического исследования. Лучше всего эту идею выразил П.Я. Гальперин, когда писал: «Только в генезисе раскрывается подлинное строение психических функций; когда они окончательно сложатся, строение их становится неразличимым, более того, — уходит вглубь и прикрывается явлением совсем другого вида, строения и природы» [8, с. 26].

Обратим внимание, что речь идет не о наличной структуре уже сложившихся ВПФ, а об их *генетическом строении*.

В наши дни мысль о том, что изучение ВПФ возможно только в ходе генетического исследования, т. е. в процессе теоретического и экспериментального воссоздания самого процесса их возникновения и становления, становится уже почти банальностью. Однако напомним, что эта идея была высказана Выготским в конце 1920-х гг., когда она была далеко не очевидной и уж точно не была определяющей в методологии психологии. Вот как, констатируя положение дел, писал об этом Выготский:

«История развития ВПФ представляет совершенно неисследованную область психологии. Несмотря на огромную важность изучения процессов развития ВПФ для правильного понимания и уяснения решительно всех сторон личности ребенка, до сих пор не очерчены сколько-нибудь отчетливо границы этой области, не осознаны методологически ни постановка основных проблем, ни задачи, встающие перед исследователем, не разработан соответствующий метод исследования, не намечены и не развиты начатки теории или, по меньшей мере, рабочей гипотезы, которая помогла бы исследователю осмыслить и предположительно объяснить добываемые им в процессе работы факты и наблюдаемые закономерности.

Больше того, самое понятие развития ВПФ в применении к психологии ребенка — по нашему мнению, одно из центральных понятий генетической психологии — до сих пор остается еще смутным и неясным. Оно недостаточно разграничено с другими близкими и родственными понятиями, очертания его смысла часто расплывчаты, содержание, вкладываемое в него, недостаточно определено» [3, с. 6].

Таким образом, по замыслу Выготского, основным, фундаментальным понятием теории должно стать понятие (или система понятий) о развитии ВПФ, а процесс развития во всей его полноте, соответственно, должен выступить предметом теоретического и экспериментального исследования. Иными словами, не структура, феноменология, функции и закономерности функционирования явлений сознания должны быть в центре исследования, как это было принято в классической психологии того времени, но их происхождение и развитие в фило- и онтогенезе. Задача такой грандиозной перестройки всех фундаментальных основ психологического исследования на этих, совершенно новых, основаниях

предопределила появление психологической концепции, которая сейчас известна как культурно-историческая теория происхождения и развития ВПФ.

В ходе этой грандиозной работы предстояло решить две взаимосвязанные задачи.

1. Необходимо было теоретически описать процесс возникновения и развития ВПФ человека во всех его сторонах и аспектах (источник развития, ход, направление, особенности, механизмы и закономерности развития), т. е., иными словами, нужно было разработать эффективный теоретический инструментарий, позволяющий дать полную и целостную картину развития.

2. Необходимо было разработать совершенно новую для психологии того времени методологию, стратегию и инструментарий для экспериментального исследования процесса развития, т. е. создать новый экспериментальный метод в психологии (экспериментально-генетический метод).

Несмотря на колоссальную сложность, обе эти задачи были блестяще решены. И если рассматривать культурно-историческую теорию Выготского с этой точки зрения (т. е. именно как теорию развития ВПФ), то у нас есть все основания утверждать, что она представляет собой целостную концепцию. В ней четко выделен предмет исследования, сформулирован основной закон, построены основные понятия и принципы и, наконец, разработан метод экспериментального исследования соответствующий предмету теории. Едва ли в психологической науке того времени (да и в психологии нынешней) имеется еще одна теория развития, в которой бы все эти аспекты были бы разработаны с той же полнотой и так же целостно, как это было сделано в культурно-исторической теории.

Но вернемся к нашей теме. В этой статье я не буду излагать основные положения культурно-исторической теории Выготского — это требует отдельного и обстоятельного разговора. Моя задача в другом — показать, в чем состояла методологическая альтернатива, предложенная Выготским и приведшая к появлению «неклассической психологии». А для этого нам придется вновь вернуться к понятию о ВПФ, не забывая при этом, что подзаголовок этой части статьи — *Vygotsky versus Wundt*.

Выготский, как и Вундт, исходил из базового положения о том, что у *homo sapiens* существуют низшие и высшие психологические (психические) функции. Но, в отличие от Вундта, именно исходил. То, что для Вундта стало методологической финальной точкой, со всеми вытекающими из этого теоретическими последствиями, о которых я уже говорил выше, для Выготского стало точкой отправной. Проблема была им осмыслена именно как методологическая, и решать ее предстояло именно как проблему методологическую.

Никакие, даже самые изощренные, модификации и трансформации господствовавших в традиционной психологии эмпирических методов не могут

привести к успеху без методологического переосмысления самой сути проблемы. Сама эмпирическая методология должна быть преодолена и на ее месте должна возникнуть методология генетическая. И только это даст ключ к решению проблемы. Недометодология (та самая, довундтовская) должна уйти в прошлое:

«Односторонность и ошибочность традиционного взгляда на факты развития ВПФ заключаются, прежде всего и главным образом, в неумении взглянуть на эти факты как на факты исторического развития, в одностороннем рассматривании их как натуральных процессов и образований, в смешении и неразличении природного и культурного, естественного и исторического, биологического и социального в психическом развитии ребенка, короче — в неправильном принципиальном понимании природы изучаемых явлений» [3, с. 7].

«В результате господства такого подхода к проблемам развития ВПФ ребенка анализ готовой формы поведения заменял, как правило, выяснение генезиса этой формы. Часто генезис подменялся анализом какой-либо сложной формы поведения на различных ступенях ее развития, так что создавалось представление, что развивается не форма в целом, а отдельные ее элементы, в сумме образующие на каждом данном этапе ту или иную фазу в развитии данной формы поведения.

Проще говоря, самый процесс развития сложных и высших форм поведения оставался при таком положении дел невыясненным и методологически не осознанным. Данные генезиса заменялись обычно чисто внешним, механическим, хронологическим приурочением возникновения того или иного высшего психического процесса к тому или иному возрасту» [3, с. 8].

Генетическая методология, т. е. методология, построенная на принципе развития, выступала как содержательное основание, на котором и была создана культурно-историческая теория. Методологическое осмысление идеи развития и превращение самого процесса развития в предмет теории привели к тому, что рухнули постулаты, на которых строилась и вундтовская и до-вундтовская психология.

Первым рухнул (или, во всяком случае, был поставлен под вопрос) постулат о двух факторах. Необходимость различения «природного и культурного, естественного и исторического, биологического и социального в психическом развитии ребенка», осмысленная как методологическая задача, «завязанная» на принцип развития, позволила сделать шаг принципиальной важности. Он состоял в том, что низшие функции и ВПФ начали рассматриваться с точки зрения их генетического содержания и генетического строения. Речь, таким образом, шла уже не о двух видах функций, а о двух линиях развития — биологической и культурной. И культурная линия развития начинается совсем не там, где берет свое начало линия биологическая. В отличие от элементарных функций источником возникновения и развития ВПФ является среда.

«...среда является не только более или менее благоприятствующим фактором для развития основных механизмов поведения, ... она сама формирует и складывает все высшие формы поведения, все то, что в развитии личности надстраивается над элементарными функциями» [1, с. 376].

«Среда выступает в развитии ребенка, в смысле развития личности и ее специфических человеческих свойств, выступает в роли источника развития, т.е. среда здесь играет роль не обстановки, а источника развития» [7, с. 85].

Однако, что именно понимается под этим общим понятием «среда»? Прежде всего и главным образом, речь идет о социальной (точнее, социо-культурной) среде:

«...социальная среда является источником возникновения всех специфических человеческих свойств личности, постепенно приобретаемых ребенком, или источником социального развития ребенка» [4, с. 265].

Погодите, погодите, скажут мне дотошные читатели, а факторы? А как же факторы? Как же без факторов? Куда ж без них, отвечу я, вслед за Львом Семёновичем. Только дело в том, что нужно бы для начала сделать различие между тем, что определяет процесс развития, и тем, что влияет на процесс развития. А это, как говорят в одном южном городе — «две большие разницы».

«К сожалению, в нашей практике история развития ребенка обычно излагается именно с точки зрения ложного дуализма среды и наследственности... Развитие — не простая функция, полностью определяемая икс-единицами наследственности плюс игрек-единицами среды. Это исторический комплекс, отображающий на каждой данной ступени заключенное в нем прошлое. Другими словами, существенный дуализм среды и наследственности уводит нас на ложный путь, он заслоняет от нас тот факт, что развитие есть непрерывный самообуславливаемый процесс, а не марионетка, управляемая дерганьем двух ниток» [5, с. 309].

Иными словами, любые факторы и даже совокупность факторов могут оказывать влияние на процесс развития, могут замедлять или ускорять развитие, они могут даже блокировать развитие, но никакая совокупность факторов, даже взятая во всей своей полноте, не определяет ни характера, ни направления и ни особенностей развития.

Источники, движущие силы, характер и направление развития следует искать не в совокупности внешних и внутренних факторов; качественные изменения в структуре сознания определяются совсем иными процессами и механизмами. Социальная среда есть не фактор, но источник развития. Таким образом, основное и главное различие между низшими психическими функциями и высшими состоит в том, что они имеют различное происхождение и, следовательно, различную природу. А это означает, что вторые никак не вырастают из первых. А это, в свою очередь, ставит следующий принципиально важный во-

прос — как на самом деле связаны между собой низшие и высшие функции? И ответ на этот вопрос приводит к тому, что рушится второй постулат классической психологии, т. е. постулат о том, что высшие функции есть результат развития низших. В общем виде ответ на этот вопрос выглядит так:

«Высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное сплетение элементарных функций, которые, будучи включены в новую систему, сами начинают действовать по новым законам» [6, с. 58].

Несколько позже (в начале 1930-х г.) это общее положение было уточнено и развито:

«...в процессе развития... изменяются не столько функции, как мы это раньше изучали (это была наша ошибка), не столько их структура, не столько система их движения, сколько изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени» [2, с. 110].

Таким образом, общий ход и направление развития целиком определяются тем, что 1) под влиянием ВПФ, возникших из социальных отношений, происходит качественная перестройка всей системы психологических функций человека и 2) возникает качественно новая по строению система функций («психологическая система» в терминологии Выготского), работающая по новым законам.

Как видим, выделение двух видов психических функций в культурно-исторической теории было не столько результатом фиксации эмпирического факта наличия этих функций в структуре сознания, сколько методологическим шагом в построении теории развития ВПФ. Это различие позволило определить и теоретически исследовать два важнейших аспекта процесса развития: 1) его источник и 2) его характер. Источником развития является социальная и культурная среда, а характер развития выражается в качественных преобразованиях самой структуры сознания и в образовании новых, не имевшихся на предыдущих стадиях, психологических систем. Психическое развитие человека, развитие сознания больше уже не рассматривается как «переодетый в одежды психологической терминологии» биологический («натуральный») процесс созревания; напротив, развитие рассматривается как процесс культурный, психологическое развитие высших функций начинает рассматриваться как культурное развитие, происходящее по собственным (не биологическим) законам. Природа и тайна человеческого сознания — не в биологии и не в мозге; природа и тайна происхождения человеческого сознания находятся в пространстве человеческой истории и культуры.

Александр Романович Лурия (которого уж точно нельзя упрекнуть в недооценке роли мозга в связи с развитием сознания) писал, что «...для того, чтобы

объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники... сознательной деятельности и “категориального” поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни... в социально-исторических формах существования человека...» [9, с. 23].

Для того чтобы исследовать культурно-историческое происхождение и развитие ВПФ функций, нужна была не только новая теория. Нужен был новый, соответствующий этому предмету экспериментальный метод (надеюсь, что читатель не забыл еще, что метод начинается с методологии).

«Можно высказать в виде общего положения мысль, что всякий принципиально новый подход к научным проблемам неизбежно приводит и к новым методам и способам исследования. Объект и метод исследования оказываются тесно связанными друг с другом. Поэтому исследование приобретает совершенно другой вид и течение тогда, когда оно связано с нахождением нового, адекватного новой проблеме метода. ... Разработка проблемы и метода идет если не параллельно, то, во всяком случае, совместно продвигаясь вперед. Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в таких случаях является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом исследования» [3, с. 41].

Этот новый метод, который, по сути дела, вывел психологию из вундтовского тупика и сделал невозможное возможным, став инструментом экспериментального исследования ВПФ, т. е. инструментом, позволяющим раскрыть их генетическое содержание и генетическое строение, вошел в историю психологии под названием «экспериментально-генетический метод исследования происхождения и развития ВПФ». Суть методологической альтернативы, которую предложил Выготский, состояла в том, что была разработана не только новая, «неклассическая» психологическая теория ВПФ, но и предложен новый «неклассический» экспериментальный метод их исследования. Тем самым была преодолена недо-методология, т. е. такая ситуация, когда метод исследования не соответствует самой природе процесса, который при помощи этого метода исследуется.

1.4. Возвращаясь к теме: «если вы такие умные, то почему вы такие бедные?»

Вернемся к теме и дадим слово скептику: «Вот вы, выготскианцы, говорите, что у вас имеется новый экспериментальный метод исследования ВПФ. Пусть так. Но, позвольте спросить, если вы такие умные, почему вы такие бедные? Где результаты использования вашего хваленного «экспериментально-генетического метода»? Ведь со времени его создания прошло уже почти восемьдесят лет! Мы даже готовы признать, что наши экспериментальные методы хуже ваших, но покажите нам, что ваш метод лучше,

предъявите результаты экспериментальных исследований. Ведь эффективность любого экспериментального метода определяется именно по этому критерию. А все разговоры про методологию в данном случае — разговоры в пользу бедных».

Я, автор этих строк, без особого удовольствия, но присоединяюсь к этому скептическому голосу. И даже скажу больше: для многих, называющих себя выготскианцами, экспериментально-генетический метод остается *terra incognita*. То есть сам метод вроде бы есть, но у выготскианцев его нет. Попробую объяснить, что я имею в виду. В любой научной дисциплине, использующей экспериментальные методы исследования, существует традиция обучения каждого нового молодого поколения исследователей этим экспериментальным методам. Говоря буквально, их учат, как строить и проводить экспериментальное исследование так, чтобы оно соответствовало требованиям. И эти требования к организации и проведению экспериментального исследования существуют, порой даже буквально, в виде *requirements list*, т. е. детального, в виде текста, описания того, что и как и в каком порядке делать нужно и что и как делать нельзя, ибо в этом случае результаты не могут считаться достоверными. В естественных науках такое обучение принципам и правилам экспериментальной работы существует в виде специальных экспериментальных практикумов, через обязательное и скрупулезное выполнение которых проходит каждый студент или аспирант до того, как получит право проводить самостоятельное исследование. Например, знаменитый биохимический практикум в МГУ имени М.В. Ломоносова насчитывает более 150 задач. Пока не пройдешь практикум, можешь и не мечтать о самостоятельной экспериментальной работе. То же и в экспериментальной психологии: никто не допустит тебя к проведению самостоятельного исследования, если ты не знаешь требований к методике организации и проведения самой экспериментальной процедуры. Что уж говорить о том, что любой экспериментатор при этом должен понимать, что эти требования и принципы не взяты с потолка — их предъявляет теория, всегда лежащая в основе любого конкретного эксперимента.

Так вот, как говорится, «с глубоким прискорбием» сообщая, что в современной культурно-исторической психологии на сегодняшний день не существует хоть какого-нибудь практикума по организации и проведению экспериментального исследования. Более того, нет и четко сформулированной системы принципов и требований, предъявляемых к экспериментальному исследованию. Я уже не говорю о том, что до сих пор не существует ни одного учебника по

культурно-исторической теории Выготского, в котором эта теория была бы изложена хоть в сколько-нибудь систематическом виде. Это кажется невероятным, особенно если иметь в виду огромное число исследований в русле культурно-исторической теории, которые проводятся во всем мире и огромное количество публикаций на эту тему. Вот и получается, что каждый исследователь-экспериментатор, считающий, что он работает в русле теории Выготского, строит свое экспериментальное исследование: 1) на основе своего собственного, порой ограниченного и весьма произвольного, понимания этой теории и 2) на основе собственных представлений о том, как, на каких принципах должен строиться этот эксперимент. То есть, иначе говоря, процесс происходит часто по принципу «как Бог на душу положит». Иными словами, существует «экспериментально-генетический метод», но даже сами выготскианцы не знают, как им пользоваться, и потому пользуются как придется, безо всякой рефлексии на эту тему. Смешно сказать, но в последние годы я наблюдаю удивительную тенденцию — появляются статьи, в первой части которых (*theoretical points of departure*) дается пара «ритуальных» ссылок на Выготского (в лучшем случае) или (что хуже) на некоторых современных выготскианцев (Ю. Энгстрёма, М. Коула, Дж. Верча и других), а далее следует описание конкретного эксперимента, ничего общего не имеющего ни с теорией Выготского, ни с экспериментально-генетическим методом⁶.

Вот вам и ответ на вопрос, почему выготскианцы такие «бедные», во всяком случае, почему они не богаче других. И кто бы что ни говорил, наши западные коллеги-выготскианцы остаются весьма небольшой периферийной, маргинальной группой на фоне современного мирового психологического сообщества. Они остаются на задворках, при том что имеют такое богатство — культурно-историческую теорию и экспериментально-генетический метод. Они просто не знают, что с этим делать и делают то, что могут — растаскивают теорию на кусочки и то «колют орехи королевской печатью», то «забивают гвозди микроскопом», а то «стреляют из пушки по воробьям»⁷. Впрочем, это отдельная тема.

Удивительно и то, что до сих пор, никто из ведущих представителей так называемой «школы Выготского» — ни в нашей стране, ни за рубежом — не поднял вопрос о необходимости создания академического учебника по культурно-исторической теории⁸, не говоря уже о том, чтобы наконец-то внятно сформулировать систему требований к организации конкретного исследования на основе принципов экспериментально-генетического метода. Похоже, что та-

⁶ Примеры приводить не буду, ведь это не вина, а беда экспериментаторов; что им еще делать, когда никаких четких критериев нет.

⁷ Доходит до смешного. Один довольно известный и весьма уважаемый в этом сообществе исследователь всерьез уверял автора этих строк, что культурно-исторической теории вообще не существует и что я, автор этих строк, ее выдумал. Говорю это не из злорадства или обиды, просто констатирую факт, который меня отнюдь не радует.

⁸ Впрочем, я не совсем точен. Вялые разговоры на эту тему шли довольно долго, но до дела так и не дошло. И вот, в Московском городском психолого-педагогическом университете начата коллективная работа по созданию первого в мире учебника по культурно-исторической теории. Лед наконец-то тронулся.

кая ситуация устраивает всех. Но, прошу прощения у читателя, такая ситуация совершенно не устраивает меня, автора этих строк. И я не стал бы писать эту статью, если бы в ней не предпринял попытку представить систему основных требований к организа-

ции и проведению экспериментального исследования на основе принципов экспериментально-генетического метода, как составной части культурно-исторической теории происхождения и развития ВПФ. Об этом — во второй части статьи.

Литература

1. *Выготский Л.С.* К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Педология. 1929. № 3. С. 366—380.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 486 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 365 с.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1984. 367 с.
6. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 396 с.
7. *Выготский Л.С.* Лекции по педологии. Ижевск: 2001. 303 с.
8. *Гальперин П.Я.* К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 18—30.

9. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Издательство МГУ, 1979. 319 с.
10. *Chalmers D.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford University Press. 1996. 375 p.
11. *Han S.* Culture and Neural Frames of Cognition and Communication (On Thinking). Springer. 2011. 314 p.
12. *Palmer J.A. and Palmer L.K.* Evolutionary Psychology: The Ultimate Origins of Human Behavior. Boston: Allyn and Bacon, 2002. 721 p.
13. *Tomasello M.* The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2000. 248 p.
14. *Valsiner A. and Toomela A.* (Eds.). Methodological Thinking in Psychology: 60 Years Gone Astray? IAP Publishers. 2010. 345 p.
15. *Wigner E.P.* Two Kinds of Reality// The Monist. 1964. Vol. 48. P. 240—252.

Experimental-Genetic Method and Psychology of Consciousness: In Search of the Lost (Part One)

N.N. Veresov*

Monash University, Australia,
nveresov@hotmail.com

Non-classical cultural-historical theory of L.S. Vygotsky is considered as a methodological alternative to traditional methods of research of consciousness. Wundt's methodological conclusion that lower and higher functions are different in their very nature and thus cannot be investigated by the same methods went unnoticed. The methodological alternative to the study of consciousness proposed by Vygotsky suggested that the phenomena of consciousness (i.e. of the individual's subjective world) can be explored objectively if mental functions are not regarded as fully shaped phenomena, but studied rather in the process of their emergence and development. Genetic research methodology, that is, the methodology grounded on the principle of development, provided the foundation on which cultural-historical theory was built. This is why the experimental-genetic method of investigating higher mental functions remains, along with the theory as the system of concepts and principles, an integral part of cultural-historical research methodology.

Keywords: consciousness, methodology, cultural-historical theory, experimental-genetic method.

References

1. Vygotskii L.S. K voprosu o plane nauchno-issledovatel'skoi raboty po pedologii natsional'nykh men'shinstv [On the plan on research on the pedology of national minorities]. *Pedologiya* [Pedology], 1929, no. 3, pp. 366–380
2. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]: V 6 t. T. 1, Moscow.: Pedagogika, 1982. 486 p.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]: V 6 t. T. 3, Moscow.: Pedagogika, 1983. 365 p.
4. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]: V 6 t. T. 4, Moscow.: Pedagogika, 1984. 432 p.
5. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]: V 6 t. T. 5, Moscow.: Pedagogika, 1984. 367 p.
6. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]: V 6 t. T. 6, Moscow.: Pedagogika, 1984. 396 p.
7. Vygotskii L.S. *Lektsii po pedologii* [Lectures on pedology]. Izhevsk: 2001. 303 p.
8. Gal'perin P.Ya. K ucheniyu ob interiorizatsii [To the study on internalisation]. *Voprosy psikhologii* [Questions in psychology], 1966, no. 6, pp. 18–30.
9. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Publ. MGU, 1979. 319 p.
10. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford University Press. 1996. 375 p.
11. Han S. *Culture and Neural Frames of Cognition and Communication (On Thinking)*. Springer, 2011. 314 p.
12. Palmer J. A. and Palmer L.K. *Evolutionary Psychology: The Ultimate Origins of Human Behavior*. Boston: Allyn and Bacon, 2002. 721 p.
13. Tomasello M. *The Cultural Origins of Human Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 248 p.
14. Valsiner A. and Toomela A. (Eds.). *Methodological Thinking in Psychology: 60 Years Gone Astray?* IAP Publishers, 2010. 345 p.
15. Wigner E.P. Two Kinds of Reality. *The Monist*. 1964, vol. 48, pp. 240-252.

For citation:

Veresov N.N. Experimental-Genetic Method and Psychology of Consciousness: In Search of the Lost (Part One). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 4, pp. 121–130. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Veresov Nikolay Nikolayevich, PhD, Associate Professor in Early Childhood at the Faculty of Education, Monash University, Australia. nveresov@hotmail.com